

УДК 347.23
ББК Х407.01

DOI: 10.53315/2949-1193-2025-4-4-30-40

*Федорова Полина Анатольевна,
аспирантка кафедры гражданского права и процесса
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград, Россия*

**ПРИНЦИП НЕДОПУСТИМОСТИ
ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА КОГО-ЛИБО
В ЧАСТНЫЕ ДЕЛА В ПРИРОДОРЕСУРСНОМ ПРАВЕ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. В статье рассматривается динамика взаимодействия принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела с нормами природоресурсного права. Обосновывается, что исторически природоресурсное право развивалось как отрасль публичного права, ориентированная на защиту публичных интересов, но в последние десятилетия в нем отчетливо проявляются частноправовые начала. Для эффективного вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот и привлечения инвестиций необходимо гарантировать частным лицам определенную степень автономии и защиты их прав. Поэтому во всех подотраслях природоресурсного права прослеживается общая черта – произвольное вмешательство в частные дела рассматривается как противоправное и неприемлемое, а значит, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, равно как и все иные принципы гражданского права, действуют во всех отраслях, затрагивающих имущественные права, если это не противоречит их специфике. Это вытекает из конституционных основ права собственности и свободы экономической деятельности. В природоресурсном праве экономическая деятельность по использованию природных ресурсов регулируется нормами и публичного, и частного права: граждане и юридические лица могут свободно действовать в пределах, установленных законом и договором, а органы власти вправе вмешиваться в их деятельность в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами.

Ключевые слова: Принцип; договор; частные дела; земельный участок; водный объект; недра; животный мир; собственность; аренда; орган власти; раздел продукции; закон.

UDC 347.23
BBK X407.01

DOI: 10.53315/2949-1193-2025-4-4-30-40

*Fedorova P.A.,
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

THE PRINCIPLE OF NON-INTERFERENCE IN PRIVATE AFFAIRS IN NATURAL RESOURCE LAW: STATEMENT OF THE PROBLEM

Abstract. The article examines the dynamics of the interaction of the principle of the inadmissibility of arbitrary interference in private affairs with the norms of natural resource law. It is proved that historically natural resource law has developed as a branch of public law focused on the protection of public interests, but in recent decades it has clearly manifested private law principles. In order to effectively involve natural resources in economic turnover and attract investments, it is necessary to guarantee individuals a certain degree of autonomy and protection of their rights. Therefore, there is a common feature in all sub-sectors of natural resource law – arbitrary interference in private affairs is considered illegal and unacceptable, which means that the principle of the inadmissibility of arbitrary interference in private affairs, as well as all other principles of civil law, apply in all sectors affecting property rights, if this does not contradict their specifics. This follows from the constitutional principles of property rights and freedom of economic activity. In natural resource law, economic activity in the use of natural resources is regulated by the norms of both public and private law: citizens and legal entities can freely act within the limits established by law and contract, and government authorities have the right to interfere in their activities in cases directly provided for by federal laws.

Key words: Principle; contract; private affairs; land; water body; subsoil; wildlife; property; lease; authority; division of products; law.

ВВЕДЕНИЕ

Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела – один из основополагающих принципов российского гражданского права (Коновалов, 2019: 64). Этот принцип означает самоограничение государства и третьих лиц: частные права субъектов гражданских правоотношений охраняются законом, и никто не вправе произвольно вмешиваться в их дела без законных оснований. Традиционно считается, что данный принцип относится преимущественно к классической сфере гражданско-правовых отношений – имущественным и личным неимущественным отношениям, регулируемым Гражданским кодексом РФ (отношения собственности, договорное право и т.д.). Однако, на наш взгляд, сфера действия этого принципа значительно шире. В современном правовом порядке он пронизывает также и природоресурсное право, представляющее собой совокупность правовых норм, регулирующих использование земель, вод, лесов, недр, объектов животного мира, атмосферного воздуха (Клюканова, 2023: 13-17). Природоресурсное право включает в себя ряд кодексов и законов, в том числе Земельный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Федеральный закон «О недрах», Федеральный закон «О животном мире», а также ряд иных тесно связанных с ними актов, например, Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Применительно к использованию атмосферного воздуха специальных правовых актов не принято (Воздушный кодекс регламентирует работу воздушного транспорта, а не использование воздуха как природного ресурса), однако тут действует Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха». За исключением воздуха, применительно ко всем остальным природным ресурсам предусмотрены различные виды гражданско-правовых договоров, отягощенных публичной спецификой. Это означает, что даже в традиционно публичной сфере природоресурсных отношений есть элементы гражданско-правового регулирования (например, договор аренды лесного участка, договор водопользования и другие). Соответственно, принципы гражданского права, включая принцип недопустимости произвольного вмешательства, должны распространяться и на эти отношения – разумеется, с учетом специфики каждого вида ресурса и особых публичных интересов, присущих экологическому праву.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Рассмотрим последовательно реализацию принцип невмешательства в частные дела во всех подотраслях природоресурсного права.

1) Земельное право – это подотрасль природоресурсного права, где наиболее отчетливо проявляется баланс частных и публичных интересов. С одной стороны, земля может находиться в частной собственности граждан и юридических лиц (ст. 36 Конституции РФ). С другой – земля рассматривается как основа жизни и деятельности людей, важный природный объект, и ее использование подчинено требованиям охраны окружающей среды и интересам общества. Принцип недопустимости произвольного вмешательства проявляется здесь прежде всего через гарантии свободы владения, пользования и распоряжения землей частными собственниками. Конституция закрепляет, что собственники осуществляют права на землю свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает права и интересы других лиц. Аналогичная норма содержится в ст.1 ЗК РФ, посвященной основным принципам земельного законодательства. Это означает, что закон защищает частного землевладельца от любого произвольного вмешательства: если он использует землю законно и добросовестно, то ни государственные органы, ни третьи лица не могут ограничивать его права без установленных законом оснований. Важнейшая гарантия от произвольного вмешательства в сфере земельных отношений – неприкосновенность права собственности на землю. Никто не может быть лишен своего участка без решения суда (Бахолдин, 2021).

Принудительное изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд допускается лишь при условии предварительного равноценного возмещения. Эти конституционные положения конкретизированы в гражданском и земельном законодательстве. Так, Гражданский кодекс (ст. 279, 282) и Земельный кодекс (гл. VII.1) устанавливают закрытый перечень случаев, когда возможно изъятие частного земельного участка для публичных нужд, и детальный порядок такого изъятия. Например, изъятие допускается для строительства особо важных объектов (дорог, линий электропередач и т.п.) на основании решения органа публичной власти, если строительство таких объектов предусмотрено документами территориального планирования, и при условии выплаты собственнику компенсации (ст. 56.8 ЗК РФ). Любое принудительное отчуждение земельного участка без судебного решения и без компенсации будет незаконным, как нарушающее принцип недопустимости произвольного вмешательства. В судебной практике данная гарантия часто подтверждается: решения органов власти об изъятии земель оспариваются, и нередко признаются недействительными.

Помимо отчуждения земли, частные землепользователи защищены и от произвольных ограничений их прав. ЗК РФ предусматривает, что при регулировании землепользования следует учитывать как интересы общества, так и законные интересы граждан, обеспечивая каждому возможность свободно владеть и пользоваться своим земельным участком. Ограничения прав на землю могут вводиться только в предусмотренных законом случаях, например, для установления охранной зоны, режима особо охраняемой природной территории, резервирования для государственных нужд и т.п. (ст. 56 ЗК РФ). Но подобные ограничения не произвольны: они основаны на законе, должны преследовать конкретную публичную цель (охрана природы, обеспечение безопасности и т.д.) и вводятся в установленном порядке. Произвольные вмешательства запрещены (Анисимов, 2022: 91-95).

2) Водное право регулирует отношения по использованию и охране водных объектов (рек, озер, водохранилищ и т.д.). Особенность воды как природного ресурса состоит в том, что водные объекты, как правило, находятся в государственной или муниципальной собственности (Покатова, 2010), а граждане и юридические лица получают право пользования ими. Водный объект не отчуждается в частную собственность, но может предоставляться в пользование на основании договора. Соответственно, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела трансформируется в гарантии стабильности права водопользования, а также в защиту прав водопользователей по заключенным с органами государственной власти соглашениям или решениям о предоставлении водных объектов в пользование. Нас больше интересует первая группа оснований приобретения права пользования поверхностными водными объектами или их частями.

ВК РФ содержит вполне четкий гражданско-правовой механизм предоставления водных объектов в пользование – договор водопользования. По договору водопользования одна сторона – уполномоченный государственный орган или орган местного самоуправления – обязуется предоставить другой стороне (водопользователю) водный объект или его часть за плату во временное пользование.

Наличие такого договора ограничивает возможность произвольного поведения органов публичной власти: договор закрепляет права и обязанности сторон, а любые изменения или расторжение договора допускаются только в случаях, предусмотренных законом и самим договором. Водный кодекс прямо устанавливает, что к договору водопользования применяются положения гражданского законодательства об аренде, если иное не предусмотрено самим ВК РФ и не противоречит существу договора (ст. 12 ВК РФ). Значение этой нормы трудно переоценить: она означает, что на отношения в сфере водопользования распространяются гражданско-правовые принципы, включая принцип недопустимости

произвольного вмешательства в частные дела. Передав водный объект по договору водопользования гражданину или юридическому лицу, орган публичной власти не может действовать по своему усмотрению, игнорируя его условия и нормы ВК и ГК РФ. Например, если договор водопользования заключен на определенный срок, орган власти не вправе без законных оснований прекратить его действие раньше указанного в нем срока – в противном случае это будет означать неправомерное вмешательство государства в частные дела водопользователя. Не менее важной гарантией прав водопользователя является проведение аукциона для передачи водного объекта по договору водопользования (Косолапов, 2024: 19).

Отдельным проявлением принципа недопустимости произвольного вмешательства является гарантия стабильности прав долгосрочных водопользователей. Например, если водный объект предоставлен в пользование для строительства гидротехнического сооружения или для рыбоводства, пользователь вкладывает в него значительные инвестиции. Закон защищает его от произвольного прекращения прав на водный объект. Так, если водопользование связано с владением прибрежным участком или гидротехническим сооружением, договор прекращается досрочно только в случае с прекращением права на такой земельный участок или сооружение (п.2 ст.17 ВК РФ). Специфика водопользования в контексте анализируемого принципа состоит еще и в том, что частный пользователь водного ресурса всегда взаимодействует с государством как собственником природного ресурса.

ВК РФ, используя гражданско-правовые формы (договор водопользования), стремится обеспечить баланс интересов: государство сохраняет возможность контролировать действия водопользователей, однако не произвольно, а по четко регламентированным основаниям, и, главным образом, в публичных интересах (охрана природы, безопасность водопотребления) либо при нарушении условий договора со стороны водопользователя. В результате водопользователь, действующий добросовестно, может быть уверен, что его права защищены от неожиданного и необоснованного посягательства. Это стимулирует долгосрочные инвестиции и рациональное использование водных объектов, что отвечает как частным интересам бизнеса, так и публичной задаче устойчивого водопользования.

3) Лесное право регулирует отношения по использованию и охране лесов. Леса в Российской Федерации в основном относятся к публичной собственности (федеральной или субъектов РФ) и разделены на лесные участки, которые могут предоставляться в пользование гражданам и юридическим лицам, включая иностранных (Блок и Колиева, 2019: 55-56). Преобладающая форма использования лесов частными субъектами – аренда лесных участков, прежде всего для заготовки древесины, охотничьего хозяйства, рекреации и иных целей. В данном случае четко прослеживается сочетание частноправовых и публично-правовых элементов: договор аренды лесного участка, заключенный государством (арендодатель – уполномоченный орган власти) и арендаторами, имеет гражданско-правовую природу, однако его условия и реализация в значительной мере определяются императивными нормами Лесного кодекса РФ в целях охраны лесов.

Принцип недопустимости произвольного вмешательства применим к этим отношениям следующим образом: государство, передав лесной участок в аренду на определенный срок, обязуется соблюдать условия договора и не может помешать арендатору пользоваться участком иначе, чем на основаниях, предусмотренных законом и договором. Лесной кодекс содержит подробные гарантии стабильности для арендаторов: срок аренды составляет 10-49 лет (ст.72 ЛК РФ), что призвано обеспечить долгосрочность и окупаемость лесопользования. Договор заключается, как правило, по результатам торгов на право его заключения, которые проводятся в форме открытого аукциона или открытого конкурса (за некоторыми исключениями), после чего арендатор приобретает право хозяйствовать на данном лесном участке в пределах разрешенных на нем видов деятельности.

Арендодатель не вправе произвольно расторгнуть договор или изменить его условия в одностороннем порядке, кроме случаев, специально указанных в законе. Так, ст. 74.1 ЛК РФ устанавливает, что досрочное расторжение договора аренды лесного участка возможно только по решению суда и в соответствии с ГК РФ, ЗК РФ и ЛК РФ, например, в случае невыполнения арендатором мероприятий по сохранению лесов, мероприятий по охране лесов от пожаров и т.д.

Это является типичным проявлением исследуемого принципа: если арендатор добросовестно исполняет свои обязательства, то арендодатель либо любое должностное лицо органа публичной власти не может произвольно изъять у него лесной участок – для расторжения договора нужно соглашение сторон или судебное решение при наличии серьезного нарушения его условий со стороны арендатора. Дополнительной гарантией стабильности лесопользования и защиты от произвольного вмешательства служит предусмотренное ЛК РФ право добросовестного арендатора на заключение нового договора без проведения торгов (ст. 74 ЛК РФ). Орган власти не вправе отказать в заключении нового договора аренды лесного участка, кроме случаев, прямо указанных в законе, например, если арендатор включен в реестр недобросовестных арендаторов лесных участков. Данная норма представляет собой прямое воплощение принципа невмешательства: она предотвращает ситуацию, когда добросовестного пользователя могли бы произвольно лишиться участка после истечения срока, чтобы передать его другому лицу.

Отказ продлить договор при отсутствии предусмотренных ЛК РФ оснований будет являться незаконным действием, которое арендатор может оспорить в суде. Стоит отметить и ограничения на изменение условий договора в период его действия. По общему правилу условия договора аренды лесного участка, заключенного на торгах, не могут изменяться по соглашению сторон, кроме случаев существенного изменения обстоятельств или целевого назначения лесов (ст. 74.1 ЛК РФ). Это предотвращает произвольный пересмотр условий договора органом власти, которые будут невыгодны для лесопользователя. Закон стабилизирует договорные условия, делает их предсказуемыми: лесопользователь может быть уверен, что в случае выполнения им своих обязанностей (например, по своевременной уплате арендной платы), условия лесопользования внезапно не ухудшатся и сам договор останется в силе на оговоренный срок. Государство не может по любым произвольным (конъюнктурным) соображениям и в одностороннем порядке увеличить арендную плату или сократить срок действия договора – это означало бы нарушение принципа недопустимости произвольного вмешательства.

Специфика исследуемого в лесном праве принципа заключается и в том, что лес – это возобновляемый ресурс, требующий ухода и охраны, поэтому договоры лесопользования всегда содержат значительный блок публично-правовых обязанностей. Государство выступает не только как собственник, но и как гарант сохранности лесного фонда для будущих поколений. Отсюда – детальные обязанности арендаторов (например, проводить противопожарные мероприятия, лесовосстановление и др.) и контроль со стороны лесной охраны. Однако даже при таком усиленном публичном интересе вмешательство государства в деятельность арендатора не должно быть произвольным. Если арендатор исполняет свои обязанности, то государство не мешает ему извлекать законную прибыль (заготавливать древесину, использовать участок для рекреации и т.п.). Контрольные органы могут выдавать предписания и привлекать арендатора к ответственности за нарушения (за незаконную рубку сверх нормы и др.), но не более того. Наряду с договором аренды лесных участков, исследуемый принцип распространяется на договор безвозмездного пользования лесным участком (ст. 74.2 ЛК РФ), а также договор купли-продажи лесных насаждений (глава 7 ЛК РФ) (Кожокар, 2022).

4) Горное право – подотрасль природоресурсного права, регламентирующая вопросы использования и охраны недр. Это сфера, где пересекаются большие экономические интересы и стратегические публичные задачи. Недра (и полезные ископаемые) в нашей стране по Конституции и Федеральному закону «О недрах» являются государственной собственностью, однако могут предоставляться гражданам и юридическим лицам для геологического изучения, добычи полезных ископаемых и в иных целях на основании решений различных органов государственной власти РФ и ее субъектов (в зависимости от целей недропользования). Предоставление недр в пользование оформляется специальной лицензией на пользование недрами (ст.11 Федерального закона «О недрах»). Наличие такого порядка означает, что это публичные правоотношения, где нет «частных дел».

Однако запрет произвольного вмешательства в дела недропользователей существует и здесь, но вытекает он не из норм и принципов гражданского права, а из общеправового принципа законности (т.к. Федеральный закон «О недрах» не предусматривает собственной системы принципов), а также федерального экологического и природоресурсного законодательства. Соответственно, речь идет о действии родственных, но не тождественных принципов права, ограничивающих произвольное вмешательство в деятельность субъектов природоресурсных правоотношений. Предусмотренные нормами и принципами публичного права гарантии прав недропользователей проявляются в прозрачности процедуры выдачи лицензий на недропользование (преимущественно на аукционе), в гарантиях осуществления права недропользования, которое нельзя произвольно прекратить (т. к. лицензия выдается на определенный срок и с конкретными условиями недропользования), в т.ч. четкой регламентацией самой процедуры прекращения права недропользования с правом недропользователя обжаловать это решение в суде.

Непосредственно же «частные дела» (как их понимает гражданское право) в сфере недропользования могут быть двух видов. Во-первых, статья 19 Закона РФ «О недрах» предусматривает определенные права собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков в целях использования для собственных нужд имеющихся в границах земельных участков общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод (в частности, закон разрешает частным собственникам земельных участков строительство на них подземных сооружений на глубину до 5 метров; соответственно, должностные лица органов власти не могут это право произвольно отменить).

Во-вторых, с конца 1990-х в недропользовании появилась такая договорная конструкция, как соглашение о разделе продукции (СРП), представляющая собой гражданско-правовой договор между инвестором и государством (Стародубцева и Павлов, 2019). В последние годы обсуждается дальнейшее развитие договорной основы в недропользовании, вплоть до замены лицензий на полноценные гражданско-правовые договоры в сфере пользования недрами (Кабатова, 2005: 155). Это мотивируется стремлением обеспечить большую гарантированность прав пользователя и устойчивость условий инвестирования. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в контексте СРП означает, что эти соглашения заключаются как гражданско-правовые договоры, где государство и инвестор определяют условия разработки месторождения, раздел добытой продукции и др.

Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» от 30.12.1995 № 225-ФЗ и заключаемые на его основе сами СРП включают гарантии неизменности условий, налогового режима, и невозможности одностороннего выхода государства из соглашения. Наряду с этим, согласно ст. 20 Федерального закона «О недрах», при пользовании недрами в соответствии с СРП, право пользования недрами может быть прекращено, в том числе досрочно, на условиях и в порядке, которые предусмотрены указанным соглашением.

Это усиливает защиту прав инвестора: произвольное вмешательство со стороны органов власти будет означать нарушение взятых на себя государством обязательств, указанных в соглашении.

В практике известных российских СРП (Сахалин 1 и Сахалин 2, Харьягинское нефтяное месторождение) все спорные вопросы (например, претензии государства к расходам инвестора) решались путем переговоров или арбитражных процедур, т.е. инвесторы были защищены от внезапного прекращения их прав.

Однако, как уже упоминалось выше, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сфере недропользования может быть более полно реализован при увеличении роли гражданско-правовых методов регулирования. Это позволит обеспечить большую самостоятельность недропользователей и гарантированность их интересов, чем при административных механизмах.

И хотя по состоянию на 2025 год такие кардинальные изменения не обсуждаются в Государственной Думе РФ в виде законопроектов, сам этот вектор в будущем может быть интересен: в этом случае государство сможет уйти от системы, где права инвестора зависят от усмотрения органа власти (продлить лицензию, изменить ее условия), к системе, где права и обязанности фиксируются договором и защищены частным правом. Уже сейчас элементы такой договорной модели присутствуют, например, в соглашении о защите и поощрении капиталовложений – это договор между компанией, реализующей крупный инвестиционный проект, и публично-правовым образованием (РФ, субъект РФ, муниципальное образование), в рамках которого гарантируется неизменность закрепленных в нем условий на период действия соглашения. Все это говорит о том, что принцип невмешательства в частные дела в недропользовании должен восприниматься как необходимое условие привлечения инвестиций и эффективной разработки ресурсов. Государство должно сохранять за собой контроль и возможность регулировать добычу в общих интересах (например, устанавливать квоты, налоговые ставки, экологические требования), но оно должно придерживаться оговоренных правил, не менять их и не создавать неоправданных помех бизнесу. При этом многие ограничения сохраняются: публичные интересы могут диктовать вмешательство, однако оно должно быть регламентировано законом (например, приостановление права недропользования). Закон о недрах (ст. 20.1) предусматривает, что в случае угрозы жизни людей, возникновения чрезвычайной ситуации или в некоторых других случаях, орган власти вправе приостановить работы на участке недр. При этом данная мера не произвольна: перечень причин закрытый, такой факт должен быть подтвержден (по результатам инспекции выявлена аварийная ситуация), а недропользователь может обжаловать это решение в суде.

5) Фаунистическое право регулирует отношения по использованию и охране диких животных – наземных, водных, птиц, рыб и прочих биоресурсов, находящихся в состоянии естественной свободы. Особенность данной сферы состоит в том, что объекты животного мира до изъятия их из среды обитания никому не принадлежат (то есть они являются общенациональным достоянием), а право на их добычу или использование возникает на основе специальных разрешений.

Российское законодательство (в том числе Федеральный закон «О животном мире») устанавливает, что владение, пользование и распоряжение объектами животного мира регламентируется гражданским законодательством постольку, поскольку это не урегулировано специальными законами. Иными словами, нормы гражданского права об имуществе применимы к диким животным лишь после их законного изъятия: например, добытое охотником животное, рыба, отловленные птицы становятся его собственностью, и далее

режим собственности охраняется ГК РФ. До этого момента отношения носят публично-правовой характер – требуются лицензии, разрешения, соблюдение квот и правил охоты и рыболовства.

Это означает, что, как и в случае с недрами, применительно к объектам животного мира действуют два правовых режима: публичных разрешений на пользование объектами животного мира, и договорный (частный с публичными ограничениями) режим пользования объектами животного мира. В первом случае речь идет о выдаче, например, разрешений на добычу охотничьих ресурсов, когда гражданин получает разрешение на отстрел определенного количества животных в охотничьих угодьях. Здесь принцип невмешательства означает, что разрешение, выданное в соответствии с требованиями закона, не может быть отменено или ограничено органом власти без надлежащих оснований. Например, если охотнику дали разрешение на отстрел двух лосей в определенный временной период, то впоследствии отобрать их или уменьшить лимит произвольно невозможно.

Во втором случае речь идет о договорных отношениях в сфере долгосрочного пользования фауной. Главный пример – охотхозяйственное соглашение. Согласно Федеральному закону «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», с юридическими лицами или ИП могут заключаться соглашения сроком на 20-49 лет на ведение охотничьего хозяйства на определенной территории (лесных и земельных участках в границах охотничьих угодий). По такому соглашению пользователь (охотпользователь) обязуется заниматься сохранением охотничьих ресурсов, обустраивать инфраструктуру, а орган власти субъекта РФ обязуется предоставить ему в аренду участки и право добычи животных на весь срок соглашения. Фактически, охотхозяйственное соглашение – это гражданско-правовой договор особого типа (Нетишинская, 2024), поскольку он удовлетворяет критериям гражданско-правового договора (есть совпадающее волеизъявление сторон, определены права и обязанности, соглашение является основанием возникновения обязательства по ст. 420 и ст. 307 ГК РФ). Это означает, что к таким соглашениям применимы общие принципы гражданского права, включая исследуемый принцип недопустимости произвольного вмешательства. Механизмы защиты здесь аналогичны рассмотренным ранее: устойчивость права пользования и ограничение односторонних действий органов публичной власти. Во-первых, охотхозяйственное соглашение заключается по итогам аукциона и действует длительный срок (Оленина и Марачук, 2020). Пока юридическое лицо или ИП выполняют его условия, орган публичной власти не может произвольно расторгнуть соглашение. Закон об охоте (ст. 27) предусматривает, что соглашение может быть досрочно расторгнуто по истечении срока его действия, по соглашению сторон или в судебном порядке (в случае существенного нарушения его условий).

Во-вторых, охотпользователь имеет гарантию продолжения своего бизнеса: по окончании срока соглашения он вправе заключить новое соглашение на тех же условиях без аукциона (при условии добросовестного исполнения прежнего соглашения). Отказать ему могут лишь в случае банкротства, включения его в реестр недобросовестных охотпользователей и др.). Таким образом, принцип недопустимости произвольного вмешательства выражается в праве долгосрочного и стабильного пользования охотничьими ресурсами. Это стимулирует пользователя инвестировать в поддержание численности объектов животного мира, инфраструктуру (вольеры, кормовые поляны, егерскую службу), поскольку он защищен от риска потерять угодья досрочно или по истечении срока соглашения.

Как и в случае с другими природными ресурсами, существует ряд ограничений для пользования охотничьими ресурсами. Законодательство об охоте позволяет при определенных обстоятельствах приостановить право пользования охотничьими угодьями, если на этой территории, например, будет выявлена опасная болезнь (скажем, африканская

чума свиней) – тогда орган власти может временно закрыть охоту на кабана для предотвращения ее распространения. Однако такие решения принимаются на основании ветеринарных правил и нормативно оформляются. Пользователь обязан их исполнять, однако такие ограничения не произвольны, это вынужденная мера, и по устранении угрозы ситуация нормализуется. Отдельно следует выделить защиту имущественных прав, связанных с животным миром. Как только объект животного мира добыт и изъят из природной среды, он переходит в частную собственность. Например, охотник законно отстрелился – туша становится его имуществом; рыбак выловил рыбу в рамках любительского рыболовства – улов принадлежит ему (ст.5 Федерального закона «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). С этого момента на эти объекты распространяется полноценная гражданско-правовая защита права собственности. Произвольное изъятие у граждан этой добычи (улова) кем-либо запрещено: если не было нарушения правил добычи, должностные и иные лица не могут конфисковать добычу (улов) без оснований. Заметим, что в случае с выловом водных биоресурсов действуют дополнительные гражданско-правовые механизмы – договор закрепления доли квоты добычи (вылова) водных биоресурсов, договор пользования рыболовным участком и договор пользования водными биоресурсами (ст. 33.1, 33.3 и 33.4 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»). Таким образом, в отношении использования животного мира (охота, рыболовство, ведение охотхозяйства) частные права пользователей этого ресурса защищены от произвольного вмешательства посредством как системы публично-правовых способов регулирования пользования животным миром, так и договорами с определенными условиями и судебными гарантиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренное выше взаимодействие принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела с нормами природоресурсного права свидетельствует о том, что хотя исторически природоресурсное право развивалось как отрасль публичного права, ориентированная на защиту публичных интересов (охрана природы, рациональное использование природных ресурсов), в последние десятилетия в нем отчетливо проявляются частноправовые начала.

Для эффективного вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот и привлечения инвестиций необходимо гарантировать частным лицам определенную степень защиты их прав. Именно эту функцию и выполняет исследуемый принцип гражданского права. Во всех подотраслях природоресурсного права прослеживается одна общая черта: произвольное вмешательство (действия, не основанные на законе или договоре) рассматривается как противоправное и неприемлемое. Из этого следует, что принцип недопустимости вмешательства, закрепленный в ст. 1 ГК РФ, проник в природоресурсное законодательство, хотя и не всегда четко зафиксирован в нем. Но он действует через конкретные правовые механизмы – судебный контроль, договорную форму, компенсации и т.д.

Это означает, что принципы гражданского права действуют во всех отраслях, затрагивающих имущественные права, если это не противоречит их специфике, что вытекает из конституционных основ права собственности и свободы экономической деятельности. В природоресурсном праве этот постулат проявляется в том, что экономическая деятельность по использованию природных ресурсов допускается и поощряется нормами как публичного, так и частного права: граждане и юридические лица могут свободно действовать в пределах, оговоренных законом или договором, а органы публичной власти вправе вмешиваться в их деятельность в пределах, лишь прямо установленных федеральным законом.

Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела является неотъемлемой частью природоресурсного права. Через комплекс правовых средств (от конституционных норм о собственности, до конкретных статей ГК, ЛК, ВК РФ и иных федеральных законов о решениях и разрешениях органов публичной власти, договорах и лицензиях) он обеспечивает баланс частных и публичных интересов в ходе использования природных ресурсов. Специфика его действия заключается в том, что публичные интересы в экологической сфере требуют больших ограничений частной свободы, однако эти ограничения сформулированы в законе так, чтобы они не превращались в произвол.

Литература

Анисимов А.П. Ограничения прав на земельные участки в силу закона как правовая категория: вопросы теории // Экономико-правовое обеспечение безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. Т.Н. Лариной, А.П. Тяпухина, Е.Э. Цибарта. Оренбург, 2022. С. 91-95.

Бахолдин О.И. О проблеме защиты прав собственников при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 452-457.

Блок Ю.А., Колиева А.Э. К вопросу о субъектном составе договора аренды лесного участка // Эпомен. 2019. № 29. С. 52-57.

Кабатова Е.В. Закон «О недрах»: нерешенные проблемы // Московский журнал международного права. 2005. № 3-1. С. 149-156.

Клюканова Л.Г. Теоретические проблемы современного российского природоресурсного права // Экологическое право. 2023. № 3. С. 13-17.

Кожокар И.П. Правовая характеристика договора купли-продажи лесных насаждений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Том 17. № 3. С. 115-130.

Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 73 с.

Косолапов С.А. Процедуры предоставления водных объектов в пользование, договор водопользования // Моя профессиональная карьера. 2024. Том 1. № 58. С. 14-21.

Нетишинская Л.Ф. Охотхозяйственное соглашение как гражданско-правовой договор // Гражданское право. 2024. № 5. С. 11-14.

Оленина Т.Ю., Марачук А.А. Особенности охотхозяйственного соглашения как публично-правового договора и процедуры проведения аукциона на право его заключения // Актуальные проблемы экономики и права. Сборник трудов. Выпуск 1 (4). Киров, 2020. С. 127-132.

Покатова В.П. Развитие института права собственности на водные объекты // Российское право: образование, практика, наука. 2010. № 5-6. С. 39-43.

Стародубцева А.В., Павлов С.Ю. Соглашение о разделе продукции как форма привлечения инвестиций в Российской Федерации // Наука и образование: новое время. 2019. № 3. С. 53-57.